

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**
«Алтайский государственный университет»
Факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии
Кафедра германского языкознания и иностранных языков

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА В ТЕКСТАХ ОРИГИНАЛА И
ПЕРЕВОДА**

(выпускная квалификационная работа бакалавра)

Выполнила студентка
4 курса, 852а группы
Микульская М.А.

(подпись)

Допустить к защите:
Зав. кафедрой
германского языкознания и
иностраных языков
к.ф.н., доцент
Саланина О.С.

« » июня 2019 г.

Научный руководитель
д.ф.н, профессор
Дьяченко И.Н.

(подпись)

Работа защищена
« » июня 2019 г.

Оценка _____
Председатель ГЭК
_____(ФИО)

(подпись)

Барнаул 2019

Содержание

Введение	3
Глава 1. Понятие эмоциональной доминанты и особенности ее перевода	9
1.1. Основные этапы развития понятия эмоциональной доминанты	9
1.2. Специфика перевода эмоциональной доминанты	14
Глава 2. Эмоционально-смысловая доминанта в текстах оригинала и перевода.....	23
2.1. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты «судьба» (на материалах повести Э. Хемингуэя «Старик и море»)	23
2.2. Выводы по экспериментальному исследованию.	34
Заключение.....	37
Список источников и литературы.....	39

Введение

Проблема адекватной передачи психолингвистической составляющей лексических единиц, образующих текстовое пространство на иностранном языке, является существенной для оптимизации межэтнического и межкультурного общения в широком смысле. Текстовое общение является одной из форм межкультурного взаимодействия, которая наиболее доступна большинству людей. [Ахманова О.С. 1966]. Мультикультурный текст показывает социокультурные характеристики в словесной форме, реалии, специфическое поведение, феномены и мышление сообщества, к которому принадлежит автор. Размер целевой аудитории может варьироваться от населения одного города до нескольких миллионов читателей по всему миру. Однако не все слушатели текста на иностранном языке знают исходный язык в такой степени и поэтому читают его в переводческой версии, чтобы полностью понять весь смысл. Качество перевода зависит от индивидуальных психологических характеристик переводчика, от уровня знания культурных особенностей, представленных в тексте, и от уровня владения оригинальным текстом. [Арутюнова Н.Д. 1988.]. Эмоциональная доминанта является основой, необходимой для создания художественного целого; эта методика также может быть использована при анализе мультикультурного текста в рамках художественной литературы, что делает важным такое исследование. Актуальность также может быть обоснована необходимостью изучения переводческой деятельности и ее отдельных компонентов в лингвистической синергии и психолингвистических аспектах, что позволяет находить новые основы теории перевода, которая в настоящее время находится в зачаточном состоянии.

Теоретической основой для изучения психолингвистических особенностей восприятия текстовой эмотивности в данной работе явились научные труды: Алейникова А. Г., Белянина В. П., Вежбицкой А., Выготского

Л. С., Горелова И. Н., Гридина В. Н., Гумбольдта В., Симонова П. В., Дридзе Т. М., Залевской А. А., Клюканова И. Э., Князева Е. Н., Колесникова В. С., Кравченко А. В., Красильникова В. Г., Кривоносова А. Т., Маслова В. А., Мягкова Е. Ю., Петренко В. Ф., Пишальниковой В. А., Шаховского В. И., Ухтомского А. А., Сорокина Ю. А., Томашевой И. В., Ярошевского М. Г.

В современной лингвистике эмоциональная доминанта указывает на способность сравнивать и сопоставлять разные образы восприятия реальности, которые в определенном текстовом комплексе могут функционировать в одной системе. Эмоциональная доминанта способствует адекватному пониманию личного смысла автора в работе. Эмоциональная доминанта - это руководящая творческая деятельность реципиента, направленная на понимание смыслов автора, представленных в тексте. Он управляет процессами самоорганизации в концептуальной системе читателя, уменьшая энтропию смысла, которая была введена авторской моделью реальности. Таким образом, мысль - это деятельность, а мышление - это процесс деятельности. Основой мышления является основной когнитивный механизм аналогии. Человек изучает новые явления окружающей действительности, соотнося их с уже известными, устанавливая отношения, связи. Новая информация смешивается со знакомой, иначе процесс понимания становится невозможным. В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению речевых репрезентаций и, благодаря им, сущности психоэмоциональных явлений. Анализируя функцию и роль эмоциональных элементов в тексте, необходимо понимать влияние самого контекста и других факторов на функции эмоциональных элементов. Эмоциональные элементы, представленные в устной форме, могут рассматриваться исследователем в различных аспектах.

В науке накоплено достаточное количество обширного фактического материала по психологии эмоций. [Бабенко Л.Г. 1989.].

Такой интерес к изучению эмоциональных явлений привел к накоплению значительной теоретической и методологической базы, которая

позволяет перенести накопленные знания в процесс перевода. В современных условиях глобализации и поиска новых путей развития и межкультурного взаимодействия такие исследования приобретают особое значение. [Арутюнова Н.Д. 1988.].

Актуальность работы обусловлена тенденцией рассматривать перевод (межъязыковое общение) как речевую деятельность в рамках межкультурного общения. Отсутствие лексического соответствия (лакунарности) мультикультурного текста на другом языке является лишь одним из факторов, определяющих процесс восприятия семантического текста [Вежбицкая. А. 1996. - 330 с.].

В зависимости от ситуации общения и ее участников, степень соответствия текста мультикультурного перевода может проявляться как переменный компонент. В случае восприятия текста другой культуры на языке оригинала, помимо культурологических исследований, могут возникать языковые лакуны, что связано с недостаточным знанием реалий, что может быть связано с недостаточным уровнем владения языком. В случае восприятия перевода текста на свой родной язык, основные лакуны в этом случае будут культурно-историческими, а степень соответствия может зависеть от уровня переводчика, от того, как переводчик предоставляет некоторую информацию о явлениях в тексте, необходимые для полного понимания идеи автора [Белянин В.П. 2000.]. Направления минимизации эмоциональных пробелов в тексте актуальны как для теории речевой деятельности в целом, так и для процесса теории и практики перевода в частности, а также для подготовки переводчиков как второстепенных лингвистических личностей, которые адекватно осваивают специфику перевода таких текстов. Важным направлением исследований является изучение взаимодействия механизмов влияния культурно-обусловленной национальной картины мира и индивидуальных психологических характеристик человека на восприятие текста, созданного в зарубежном культурном пространстве.

Знание восприятия текстовых эмоций в контексте межкультурной коммуникации важно для развития компьютерной лингвистики и информационных технологий, пытающихся «добавить» эмоции в синтезированную речь [Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1951. Т.2; 1957. Т.6; 1963. Т.14.]. Проблема изучения языка как атрибута человека изучается с учетом его эмоциональной сферы, которая актуальна в свете повышенного внимания к вопросам многоязычия и двуязычия, решение которых зависит от характера общения и сотрудничества между людьми. Народы - носители разных культур, потому что, по мнению ученых, менталитет современных обществ определяется эмоциональными проблемами судьбы общества.

Работа включена в парадигму междисциплинарного исследования личности, частью деятельности которой являются эмоции, в чем заключается новизна работы. Эта работа позволяет рассматривать эмоции как механизм, который организует восприятие текста, поскольку особое внимание уделяется специфике восприятия и передачи эмоционально-семантической доминанты текста на иностранном языке в ситуации перевода, то есть межъязыковой коммуникации. Семантические компоненты текста, определяются контекстом межкультурной коммуникации и общими механизмами восприятия эмоционально-семантического пространства. В данной работе, **объектом исследования** в работе является эмоциональная доминанта в текстах оригинала и перевода из повести «Старик и море» американского писателя Эрнеста Хемингуэя.

Предметом исследования стали свойства эмоциональной доминанты и особенности восприятия мультикультурного текста реципиентами, которые говорят и не говорят на английском языке.

Целью исследования было выявление эмоциональной доминанты авторской версии текста, которая была определяющим фактором восприятия мультикультурного текста. Целью работы определены **задачи** исследования:

- на материале выдержки из художественного текста установить возможность «передачи» получателями эмоциональных характеристик авторской версии текста во вторичном переводе текста;
- выявить различия в восприятии русскоязычными получателями мультикультурного текста на оригинальном и русском языках (переводная версия);
- установить уровень совпадения эмоционально-смысловых доминант исходного и переводного текстов.

В контексте межкультурного взаимодействия знание иностранного языка корректирует концептуальную систему личности, формирует новые концептуальные структуры, объединяющие смысловые элементы, принадлежащие к разным культурам, и привносит восприятие эмоциональных компонентов текстовых концепций в систему языка. картина мира изучаемого языка.

Цели и задачи данного исследования определили выбор методов исследования. В работе использованы **методы:** описательный и сравнительный, методы качественного и количественного анализа данных, адаптированные к условиям исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что выбранные особенности восприятия текстовых эмоций в процессе межкультурного взаимодействия могут быть использованы для дальнейших исследований процессов восприятия мультикультурного текста. Все это является реальным вкладом в развитие теории перевода и теории общения, межкультурной коммуникации, а также дает возможность прояснить некоторые вопросы теории общения и формирования единого коммуникативного пространства.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее отдельные положения и выводы, а также полученные практические результаты могут быть использованы на лекционных курсах и при проведении практических занятий по лингвистике, психолингвистике, при подготовке дидактических материалов по межкультурной коммуникации и переводу, а также при

изучении эмоциональных аспектов речевого поведения участников коммуникативного процесса в ситуации межъязыкового общения.

Работа состоит из введения двух глав, сопровождающихся выводами, заключения, библиографического списка.

Глава 1. Понятие эмоциональной доминанты и особенности ее перевода

1.1. Основные этапы развития понятия эмоциональной доминанты

В современной лингвистике наблюдается тенденция к значительному повышению внимания к изучению словесных репрезентаций и, через них, сущности эмоциональных явлений. При анализе функции и роли эмоциональных элементов в тексте следует учитывать сам контекст и влияние других факторов на функции эмоциональных элементов. Представленные в устной форме эмоциональные сущности могут рассматриваться исследователями в различных аспектах. Наука накопила обширный фактический материал в психологии эмоций [Горелов И.Н., Седов К.Ф. 1997. - 221 с.].

Подобный интерес к изучению эмоциональных явлений, приведший к накоплению значительной теоретико-методологической базы, позволил экстраполировать накопленное знание на процессы перевода. В современной ситуации глобализации, в поисках новых путей развития и взаимодействия культур подобные исследования приобретают особую актуальность [Вежбицкая А. 1997. - 411 с.].

Эмоциональная сфера пронизывает все стороны человеческой жизни, независимо от того, какое воздействие он испытал. Они становятся значимыми, когда проникают в область его эмоциональных отношений. В связи с этим интерес к эмоциональной сфере человека и со стороны лингвистов полностью оправдан. Эмоции, которые играют ведущую роль в организации человеческой деятельности, находят различные представления в языке и выполняют разные функции. Для изучения этих характеристик используется эмоциональная категория.

В рамках традиционного системно-ориентированного лингвистического подхода понимание эмоциональности связано с его определением как

лингвистической характеристики текста, реализуемой с помощью определенного набора языковых средств, специально предназначенных для выражения эмоций. Аналогичная позиция существует наряду с точкой зрения, согласно которой возможен пересмотр теории эмоциональности в языке, поскольку подчеркивается включение речи и ее реципиента в описание языковых механизмов. Для реализации антропологического принципа необходимо выйти за рамки лингвистического предмета самого исследования, то есть языковых систем в областях, граничащих с ним, что требует пересмотра изучаемых языковых явлений [Залевская А.А. 2000. - С. 74-81.].

Обратим внимание на изменения в интерпретации категории «эмотивность»/«эмоциональность» в рамках традиционного структурно-семантического подхода к изучению языка. Изучение работ исследователей прошлых лет по определению структурообразующих и семантических ценностей эмоциональной доминанты в процессе переводческой деятельности необходимо для чтения произведений современности, выделения позиций, убеждений, которые являются ближе всего к исследованиям. Так, Н.А. Лукьянова рассматривает эмотивность/эмоциональность в тесной связи с выразительностью. Отметим, что выразительность - это семантическая категория, семы - «эмотивная оценка» и «эмотивность»/«эмоциональность» выделяются в структуре конкретных «выразительных лексических единиц», но акцент делается на значении эмоционального контекста, который может «изменить эмоциональную окраску выразительной формы слова ... то есть перевести ее в собственную окраску» [Залевская А.А. 1999а. - 382 с.]. Таким образом, выделяя группу выразительных лексических единиц в языковой системе, можно признать высокую роль контекста, способного изменить системный смысл выразительного, и, следовательно, саму роль эмоциональной доминанты.

Такое же естественное влияние контекста на эмоциональный смысл языковых единиц отмечает В.И. Шаховский, который утверждает существование эмоциональной валентности в различных языковых единицах.

«Эмоциональную валентность можно понимать как способность лингвистики вступать в эмоциональные отношения с другими единицами на основе явных или неявных эмоций и тем самым выполнять их эмоциональную функцию, формирующую смысл» [Шаховский В.И. 1987. - 192 с.].

Интересна концепция «скрытых эмосем» - эта которая является компонентом значения лексической единицы. Для единицы языка достаточно иметь одну скрытую эмосему, чтобы потенциально иметь возможность когда-либо реализовать ее под воздействием контекста и приобрести эмоциональную валентность. Понятие «скрытой эмосемы» позволяет объяснить, оставаясь в позициях структурно-семантического подхода к языку, с одной стороны, «неожиданные», оригинальные, даже «невероятные» комбинации, такие как русская «тоска» земная, желтая жизнь»... И с другой стороны ... Это объясняет тот факт, что некоторые комбинации, которые возможны на логико-семантическом уровне, становятся невозможными из-за несовместимости друг с другом эмосем» [Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. 1998. - 137 с.]. Существование потенциальной эмоциональной валентности объясняется В.И. Шаховским как явление, когда нейтральное слово в некоторых контекстах приобретает эмоциональный смысл и может сыграть центральную роль в построении всего предложения. В этой связи можно говорить о бесконечной эмоциональной валентности, «поскольку существует бесчисленное множество типов и вариаций эмосем, отражающих бесчисленные типы мгновенных эмоций и их градаций в степени интенсивности» [Шаховский В.И. 1986. - №6. - С. 42-47.].

При применении такого подхода, контексту отведена роль актуализации явных или экспликации скрытых эмосем, когда «эмоциональная валентность языковых единиц становится точкой пересечения ряда структурных и регулирующих закономерностей, разрешающих или запрещающих ее актуализацию в той или иной речевой ситуации» [Ухтомский А.А. 1966. - 273 с.].

Шаховский считает, что «потенциальная эмотивная валентность выступает как структурообразующий фактор, и соответственно фактор расширения зоны сочетаемости единиц языка» [Шаховский В.И. - №6. - С. 97-103.]. Он вынужден признать определяющее значение контекста и роль структуры предложения, наличие таких регулирующих процессов, которые определяют контекстное эмотивное значение языковых единиц. Более того, эмотивные значения не только реализуются, но и формируются под влиянием эмоционально-мотивационных процессов личности в контексте. Что реализует смыслообразование в целом. Это крайнее положение представляет особую значимость. Следует указать также и на единство эмоционально-мотивационных процессов личности. Поскольку выразитель мотива на уровне текста - эмоция, то она представляет собой единое целое – часть всей структуры. По результатам некоторых психолингвистических исследований показано, что эмоции до определенного момента являются единственным структурообразующим центром художественного произведения. Репрезентированные в тексте эмоции является регулятором образования авторского смысла и его понимания слушателем в процессе восприятия текста.

Однако поскольку В.И. Шаховский использует структурно семантический подход, то он исходит из первоначального существования некоторой сменой структуры языковой единицы, которая лишь реализуется в контексте. Представление о лексическом значении как многовариантном и многокомпонентном семантическом целом является значимым для лингвоцентрического языковедения. Понимание этого значения связано с тем, что лингвоцентризм преимущественно изучает язык как самодостаточную и стабильную структуру, независимую и автономную от речевой деятельности. Отметим, что необходимо рассматривать значение как психолингвистическую сущность и анализируя языковой материал принимать во внимание человека-носителя языка. Обоснованной представляется в этом смысле точка зрения А.А. Залевской, согласно которой можно рассматривать не как единицу абстрактной языковой системы, а как единицу речевой (языковой)

способности человека – его индивидуального лексикона. Значение слова в таком контексте представляет «процесс соотнесения идентифицируемой словоформы с некоторой совокупностью продуктов переработки рационального и чувственного, индивидуального и социального предшествующего опыта человека» [Залевская А.А. 1998.-С. 35-54.]. Исходя из этой трактовки, возможен вывод, что и сама эмоциональная роль какого-либо слова может быть неоднородной и нести разные значения, в зависимости от жизненного опыта человека или его ассоциативных связей.

Более детальный анализ концепции А.А. Залевской, а также возможность применения концепции при исследовании структуры эмоциональных процессов будут представлены ниже. Отметим, что при подобном понимании значения слова, определяют конкретный характер содержания структурных языковых единиц, именно эмоционально-мотивационные процессы личности, а не контекстная его реализация.

Важно отметить, что концепция В.И. Шаховского более четкая и гибкая, чем концепция Н.А. Лукьяновой. Она учитывает требования контекста, что выражается в признании существования потенциальной эмотивной и бесконечной эмоциональной валентности языковых единиц. Акцентируем тот факт, что в современном психолингвистическом исследовании, определенным содержанием слово наделяется только в процессе его функционирования. Соответственно, находится положение о том, что любой текст до его восприятия - это набор знаков, обладающих только потенциальным значением. Смысл текста как эстетической речевой деятельности является неограниченным в том смысле, что при его восприятии каждый новый слушатель понимает то эмоциональное содержание, которое соответствует содержанию его ассоциативного мышления, его собственной парадигмы взглядов.

Разделение лексики на нейтральную и эмоциональную направлено, как правило, на формальные показатели (например, различные словообразовательные аффиксы). Разные исследователи могут выделять

неодинаковые группы слов, что демонстрирует отсутствие единого основания для классификации. Сложности в определении круга эмотивной лексики свидетельствуют и об отсутствии однозначной трактовки эмоциональности как языковой лингвистической категории. Эмоции – понятие психологическое. Репрезентированные языковыми единицами разных уровней в конкретном тексте, они обуславливают такую текстовую характеристику, как эмоциональность, являющейся психолингвистической категорией. Конкретные лексические единицы только репрезентируют доминантную эмоцию в тексте.

Таким образом, доминанта является организующим центром литературного текста. Ею определяется смысловая цельность текста на всех уровнях – стилистическом, лексическом, синтаксическом и структурном (морфологическом). Она определяет и систему образных средств текста. Причем в каждом типе текста может быть своя собственная, отличная от текстов другого типа системности доминанта. В соответствии с этим эмоционально-смысловая доминанта является, системой когнитивных и эмотивных эталонов, которые характерны для определенного типа личности, и служат психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте.

1.2. Специфика перевода эмоциональной доминанты

Необходимо отметить положения, затрагивающие проблему соответствия текста перевода эмосем оригиналу. Определяющим является положение о принципиальной невозможности построения перевода, идентичного оригиналу, ставшее в последнее время лишенным актуальности. Речь идет не только об их относительной равноценности, об «адекватности художественных образов». Это положение вполне может соотноситься с принятыми в психолингвистической концепции перевода утверждениями о том, что эквивалентность при переводе устанавливается лишь в отношении

функций элементов оригинального текста и текста перевода, а тождественность текста оригинала и перевода при смысловой их эквивалентности исключается из-за специфичности содержания концептуальной системы автора и переводчика [Выготский Л.С. 1996. - 415 с.].

Говоря о критериях адекватности перевода эмоциональной доминанты оригиналу, В.П. Белянин отмечает, что «перевод художественного текста должен быть переложением смысла текста с одного языка на другой при максимальной сохранности и содержания текста, и его коннотативно-эмоциональных особенностей» [Выготский Л.С. 1956.519 с.], иными словами, эмоциональной доминанты текста. Актуальность сохранения эмоциональной доминанты оригинала при переводе акцентируется и результатами многочисленных экспериментальных исследований, указывающих на изменение некоторых семантических характеристик текста при искажении их эмоционального значения.

В.П. Белянин установил, что «наиболее адекватно текст воспринимается теми читателями, концепция взглядов и эмоциональные структуры личности которых совпадают с авторскими, это соответствует и приведенному выше положению Ухтомского, о необходимости некоего сходства концептуальных систем автора и реципиента художественного текста для его полного понимания. Существующие несовпадения в восприятии мира в художественном тексте и у реципиентов влекут за собой непонимание текста или понимание его в соответствии со своим мировоззрением. Помимо наличия у автора и читателя сходного мировосприятия, то есть некоторой системы знаний о мире (об описываемом объекте), следует отметить необходимость существования некоторого родства мотивационных структур личности читателя и автора. Присутствие сходной эмоционально-смысловой структуры в сознании порождающего и воспринимающего текст повышает точность восприятия текста реципиентом. В художественных произведениях, где эмоции – это важнейший компонент смысловой структуры, адекватное понимание в большей степени зависит от сходства парадигмы взглядов

доминанты личности автора и читателя. Можно предположить, что перенесение данного положения в сферу деятельности переводчика существенно влияет на характер моделирования перевода. Именно из-за отсутствия подобного сходства у переводчика и автора текста объясняется зачастую возникающее в тексте перевода некоторое изменение изначальных смыслов исходного текста, недопустимое в тех случаях, когда это приводит к искажению исходного эмоционально-смыслового значения. Данные изменения объясняется общностью закономерностей психической деятельности индивида, в соответствии с которыми читатель/слушатель (в особенности это касается непрофессиональных переводчиков) «находит в тексте в первую очередь то, что он ожидает или хочет найти, на что его нацеливают мотивы, ... личностные ориентиры и многое другое» [Дридзе Т.М. 1983. - С. 51-52.].

Данное положение особо значимо для исследования, так как наличие указанных несоответствий при выполнении переводов реципиентами, не занимающимися переводческой деятельностью профессионально частично или полностью искажают смысл переведенного текста. Профессиональный же переводчик, абстрагируясь от личностно значимых моментов, должен стремиться к максимально адекватному отображению авторского смысла. В связи с этим требуется определение сущности самого процесса перевода, т.к. отношение к нему до сих пор остается неоднозначным, свидетельствовать чему может множество разрозненных моделей перевода. Таким образом, перевод может сводиться к языковому перекодированию, в процессе которого переводчик сначала выполняет функцию получателя исходного текста, после чего им осуществляется функция смены вербального кода с последующим вторичным отправлением переведенного фрагмента получателю. В этом случае функции эмоциональной доминанты могут утрачиваться.

Перевод эмоциональных элементов можно представить как мыслительный процесс, то есть совокупность определенных стратегий, осуществляемых в мыслях переводчика. Примером такого подхода являются

игровые, когнитивные и психолингвистические модели [Гридин В.Н. 1991. -С. 113-119]. Учитывать следует и особенности происхождения переводимого текста, брать во внимание представителем какого народа является его автор, знать специфику культуры этого человека. В таком случае перевод может быть предельно адекватный и полный. В связи с этим исследования в области межкультурной коммуникации приобретают в настоящее время особую значимость, что можно объяснить не только поисками новых направлений развития и взаимодействия культур, но и непреходящим стремлением найти новые законы соотношения речи и мышления. К анализу динамики межкультурного общения привлекаются и психолингвистические идеи, идеи социолингвистики, теории психоанализа и речевых актов.

Так, И.Э. Клюканов разрабатывает концептуальный аппарат динамики межъязыкового и межкультурного общения на основе культурфилософских представлений.

Культура соотносится им с «коммуникативным универсумом, который сохраняет свою тождественность и границы которого заканчиваются там, где начинается перевод» [Клюканов И.Э. 1998. - 99 с.]. И.Э Клюканов также считает, что в науке о переводе на данный момент четко выделены две основные парадигмы – культурная и лингвистическая.

Ученые, придерживающиеся первого взгляда (Швейцер, Комиссаров, Латышев) основное внимание уделяют поиску объективных переводческих законов, в которых могут быть зафиксированы тождественные отношения между текстом-оригиналом и переводом.

В рамках второй парадигмы (Сорокин, Дридзе, Красильникова) исследователи изучают «социокультурные факторы, заставляющие реальность оригинальных знаков переводиться в другие, отличные от них знаки, т.е. как бы изменяться согласно новым запросам и условиям функционирования» [Клюканов И.Э. 1999. -42 с.].

Концепция И.Э Клюканова определяется, как интегральную, поскольку она объясняет динамику взаимодействия культур с общесистемных позиций.

Концептуальный аппарат динамики межкультурного общения разрабатывается в ней на основе семиотических, лингвистических, этнологических и культурфилософских представлений. Язык трактуется исследователем как универсальная динамическая структура, сутью которой является то, что коммуникативное действие стимулируется объектом и воздействует на знак, достигает интерпретанты и затем возвращается к объекту.

Ядром механизма межкультурного общения при этом является динамическое единство объекта, знака и интерпретанты, где «семиоперевод не столько явление культуры, сколько являет культуру, при этом культура выступает как создающий объект, генерирующий знаки и раскрывающийся другому в виде динамической системы интерпретант» [Клюканов И.Э. 1999. - 44 с.].

Межкультурное общение осуществляется в рамках коммуникативной системы, представляющей собой континуум знаков (совокупность коммуникативных норм, отношений и т.д.). Автор предлагает возможность анализа межкультурного общения через перевод знаков, а перевод – через межкультурное общение, поскольку «взаимодействие культуры как личности с иными культурами основано не на эквивалентно-репрезентативных отношениях, оно приводится в движение постоянными различиями между ними, которые требуют разряжения, т.е. перевода» [Клюканов И.Э. 1998. - 99 с.].

Динамика межъязыкового общения сводится к поискам «следов» (термин Клюканова – Е.Р.), оставляющих за собой знаки. Маркирование дает возможность культурам устанавливать и переоценивать свое отношение к знакам, давая, тем самым, культурам успешно контактировать друг с другом.

Теория межкультурного общения и наука о переводе эмосем развивались в едином направлении на протяжении ряда лет. Основной задачей было – установить универсальные законы, на основании которых можно осуществлять успешное взаимодействие культур. На сегодняшний день, в

работах по теории перевода предпринимаются многочисленные попытки выявить «универсальную культурную методологическую основу» [Колесникова В.С. 2001. - С. 147-153.], тем более, что логика прогресса человеческой культуры дает для этого основания.

Так, наряду с выделением в каждой культуре специфического и уникального, возможно и выделение не только «универсальных общечеловеческих структур, но и универсальных психологических зон» [Красильникова В.Г. 1998. 24 с.]. Универсальные образования, проходя сквозь призму определенной культуры, получают ряд культурно-специфических особенностей, «но, тем не менее, сами эти образования и законы их преломления имеют общую природу». Учитывая все отмеченные положения, не стоит исключать из поля зрения и культурно-специфические характеристики. Как отмечается в исследовании И.А. Герман и В.А. Пищальниковой, семантика языков детерминирована:

- селективной направленностью сознания в отражательной деятельности;
- географическими, климатическими условиями;
- особенностями социального, культурного и эстетического развития народов [Мягкова Е.Ю. 1990. - 106 с.].

Все перечисленное делает необходимым накопление широких знаний о культуре народа-носителя языка. Это утверждение может быть справедливым и для деятельности переводчика [Пищальникова В.А. 2002. - С. 145-152.], при этом внимание обращается на тот факт, что адекватность перевода является проблемой психолингвистики; в указанных исследованиях предлагаются модели перевода в терминах теории графов, когда снимаются противопоставления языка и речи. Попытка исследовать отмеченные универсальные преобразования предпринимается в работе Ю.Н. Караулова, согласно ему, они отражаются в языке и получают название психоглоссов – единиц языкового сознания, которые обладают высокой устойчивостью к вариации и стабильностью во времени с вербальной и когнитивной сферами,

причем они могут описывать как ядерные, так и маргинальные элементы культуры социума [Мягкова Е.Ю. 1990. - 106 с]. При всей значимости перечисленных исследований необходимо отметить, что поиску универсальных законов, на основании которых становится возможным осуществление успешного взаимодействия культур, посвящены и более ранние лингвистические исследования.

В. фон Гумбольдт в своих произведениях указывал, что «духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в... тесном слиянии друг с другом ... Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух. И дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт В. фон. 1984. - 397 с.]. Факт влияния друг на друга этих двух явлений представляется важным еще и по той причине, что позволяет рассматривать язык не как мертвый продукт, а как творческий, созидающий процесс. По словам В.А. Пищальниковой, «именно процесс постоянного взаимодействия с духовной деятельностью и есть истинное бытие языка, его феноменальная эволюция» [Пищальникова В.А. 1991. - 87 с.]. Нераздельность языка и духа является функциональной, хотя причины такого слияния двух разных феноменов остаются неясными. На взаимное влияние языка и культуры указывали многие лингвисты, в частности, Д. Хаймс отмечал следующее: «Языковые навыки отчасти создают культурную реальность. Мое утверждение состоит в том, что люди, принадлежащие к разным культурам, действительно обладают до некоторой степени особыми коммуникативными свойствами, а не одними и теми же естественными коммуникативными возможностями лишь при различных обычаях. Культурные ценности и верования отчасти создают языковую реальность» [Пригожин П., Стенгерс И. 1986. -431 с]. Аналогичные выводы представлены в исследовании Н.Д. Дмитриевой:

– каждый конкретный язык, усваиваемый индивидом в процессе социализации как нечто постороннее, содержит в сжатом виде в своей структуре присущую обществу и культуре концепцию действительности;

– заложенные в языке концепции действительности воздействуют на индивида в процессе познания им мира столь сильно, что носители разных языков по-разному познают мир, при обретают разные о нем представления [Арутюнова Н.Д. 1988.].

Язык способен отражать самые своеобразные черты культуры народа.

Это положение стало уже аксиомой. Важным является и то, что в современной науке эта аксиома включена в ряд принципиально новых проблем или традиционных, рассматривающихся в новых ракурсах. В настоящее время акцент делается на том, что в процессе межкультурного общения каждая культура являет себя, прежде всего, как объект, который понимается другими культурами, которые представлены динамическими системами разноприродных знаков. В таком случае, взаимодействие между культурами не может носить характер эквивалентно-тождественных отношений. В то же время культуры принципиально взаимопроницаемы, и отношения между ними имеют динамический характер. Поэтому процесс перевода не может основываться на относительной или абсолютной тождественности знаков. Одинаковость эмоциональных доминант при переводе можно установить лишь в отношении функции элементов оригинального текста и текста перевода, потому что их смысловое содержание является функциональным образованием в рамках конкретного речемыслительного процесса. Акцентируется и необходимость рассмотреть язык как созидающий процесс. Такой подход берет начало из представлений о языке как континуме смыслопорождения, о чем говорил еще В. фон Гумбольдт: «в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности ... В беспорядочном хаосе слов и правил ... необходима все повторяющаяся деятельность. Чтобы можно было познать сущность живой речи и составить верную картину живого языка» [Гумбольдт В. фон. 1985. -451 с.].

Серьезные герменевтические исследования последних нескольких лет позволяют предположить, что наборы смыслов, бытующих в сознании

человека, по большей части общечеловеческие, в силу этого и представляется возможность перевода и общения вообще. Объем типичных значений, для определенной культуры и находящихся выражение в конкретных знаках данного языка, не может препятствовать переводческой деятельности. Подтверждение этому можно найти еще у А.А. Потебни, говорившего о внутренней форме слова, как о дающей направление мысли слушающего: «Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого» [Дридзе Т.М. 1983. - С. 54-66.].

В целом, систему смыслов, присутствующих в речемыслительной деятельности личности, можно представить, как межкультурное поле смыслов, репрезентированных специфически в каждом конкретном языке. Об этом и говорил В. фон Гумбольдт в статье «Форма языков»:

«В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [Гумбольдт В. фон. 1985. -455 с]. Языковую общность, идею межкультурного поля смыслов актуализирует в исследованиях внутренней формы языковых единиц В.Г. Варина: «Можно говорить о едином принципе семантических различий при сопоставлении слов как разных языков, так и одного языка, что позволяет ставить проблему межъязыковой лексической синонимии аналогично проблеме лексической синонимии в пределах одного языка» [Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996гг. К XVI международному конгрессу лингвистов. Париж, июль 20-25 1997 г. - М., 1997. - 204 с.]. Таким образом роль и структурообразующие и смыслообразующие функции эмоциональной доминанты зависят не только от особенностей построения предложения, но и от контекста и даже культуры автора, ассоциативных связей читателя и характера межкультурной коммуникации.

Глава 2. Эмоционально-смысловая доминанта в текстах оригинала и перевода

2.1. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты «судьба» (на материалах повести Э. Хемингуэя «Старик и море»)

Термин эмоционально-смысловая доминанта текста введен В.П. Беляниным, который дал следующее определение: эмоционально смысловая доминанта текста - это система рациональных и эмоциональных эталонов автора, являющаяся основой порождения текста [Белянин В.П. 2000.].

Для анализа восприятия текста оригинала и перевода был проведен эксперимент, в эксперименте принимали участие 2 группы испытуемых: профессионально владеющие английским языком и не владеющие иностранным языком.

Целью эксперимента было исследование восприятия концепта исходных и переводных вариантов текстов. Испытуемым было предложено 4 отрывка из повести Э. Хемингуэя «Старик и море». Выбор отрывков был обусловлен тем, что они наиболее ярко отражают проблематику взаимоотношений человека и разрушительных сил судьбы, характеризующую языковую личность автора. Выбранные отрывки содержат такие концепты, как «судьба», заключающаяся в противостоянии главного героя разрушению (социальному или природному) и «дружба» (дружеская привязанность), как форма отношения между людьми, формирующая смысл жизни человека. Испытуемым - было предложено выполнить перевод отрывков художественных текстов с английского языка. Целью данного задания было получение материалов для сравнительного анализа понимания концептуальной системы текста владеющими и не владеющими английским языком испытуемыми.

На следующем этапе эксперимента обеим группам испытуемых было дано задание подобрать заголовки на русском языке для каждого из 4 фрагментов. Концепты текстов представлены различными вербальными репрезентантами. В первом предложенном испытуемым тексте в заголовках в обеих группах испытуемых наиболее часто встречаются лексемы «неудача» и «судьба». Примеры заголовков: «Под гнетом судьбы», «Жестокая судьба», «Судьба рыбака», «Тяжесть судьбы», «Флаг вечных неудач», «Старый неудачник», «Не сломленный неудачами», «Неудачник». Широко представлены реакции, в которых смысл «судьба» представлен имплицитно, например, «Бывает...», «Время течет неумолимо, как песок» «Старик и его дело», «Жалкая старость рыбака». Во втором отрывке и в первой, и во второй группах в заголовках наиболее представлен был концепт «борьба». Необходимо отметить, что в большинстве реакций он присутствует не явно. Примеры заголовков: «Выжить», «Продержаться», «Борьба за выживание», «Человек и море», «В поисках воды и еды», «На грани». 20% реакций отражают форму повествования: внутренний диалог/ «Мысли о том, как выжить», «Разговор с самим собой», 20% реакций содержат указание на главного героя «Необыкновенный старик», «Бедный рыбак», «Живучий старик» и т.д. В третьем тексте в заголовках в обеих группах наиболее часто представлен концепт «удача» (60%), например, «Капризная удача», «Потерянная удача», «Упущенная удача», «Удача, прошедшая мимо», «Неуловимая удача». Концепт «судьба» так же представлен в заголовках к данному тексту: «Неведомая судьба рыбака», «О ничтожестве человека перед лицом судьбы», «Бессмысленная судьба» (14%). Так же присутствуют реакции, в которых смысл «Удача» и «Судьба» присутствует имплицитно: «Рулетка», «Жестокое море», «Несбывшиеся надежды» (17%). Ряд реакций реципиентов (20%) составляю заголовки, не имеющие прямого отношения с концептами «удача» или «судьба»: «Сломанный нож», «Больные руки».

При вербализации концептов трех из четырех предложенных испытуемым текстов в качестве вербального репрезентанта с наибольшей

частотой употребляется слово «Судьба». В толковом словаре английского языка (Hornby, 1982) судьба определяется как «1. Power, looked upon as controlling all events, in a way that cannot be resisted, 2. The three Greek goddesses of fate, 3. Death or destruction". Согласно словарю русского языка (Словарь русского языка, 1984), судьба -это «1. Складывающийся независимо от человека ход событий. 2. Жизненный путь 3. История».

Интересно, что в словаре Даля (Даль, 1956) слово судьба помещено в словарной статье «судить», оно раскрывается в первую очередь через такие понятия, как «суд, расправа», в то же время, судьба-это «участь, жребий, счастье, предопределение», а также «закон и порядок вселенной» [Даль В.И. 2000. – 779 с.]. В то же время глагол судить согласно словарю Даля несет в себе как смысл «судиться», так и «рассуждать, мыслить, понимать». Анализ словарных статей демонстрирует более широкое семантическое поле концепта «судьба» в русском языке. Если в английском языке он носит преимущественно негативный оттенок: характеристики неконтролируемости и трагичности, то в русском языке «судьба» - это не только события, которые не зависят от человека, но и жизненный путь, и история, и даже закон и порядок.

Основная часть заголовков, подобранных испытуемыми к четвертому тексту (63%) явно или имплицитно вербализовала концепт «дружба». Например, «Старик и рыбацкий мальчик», «Дружеская забота» «Забота» «Детское внимание»

Около 21% реакций вербализовало в заголовках концепт «Дом». «Возвращение домой», «Дом», «Домашний уют». Ряд реакций (12%) концентрируются на состоянии главного героя: «Болезнь», «Усталость», «Поражение». Итак, основная часть заголовков к третьему отрывку текста вербализует концепт «дружба». На втором месте по частоте упоминания стоит такой репрезентант концепта текста, как «дом». В контексте анализируемого отрывка концепт «дом» несет отчетливо позитивную окраску. Концепт «дом», репрезентирующий пространство, в котором присутствует близкий человек

(люди) снова выводит нас на концепт «дружба», являющийся ключевым для данного текста. Словарь английского языка (Hornby, 1982) толкует слово "Friendship" как "be-ing friends" соответственно, "friend", это "Person, whom one knows well". Сло-варь русского языка дает следующее определение: дружба - это отношения между людьми, основанные на привязанности, духовной близости и общности интересов. Сравнение словарных статей демонстрирует различие концептов «дружба» в русском и английском языках. В английском концепте на первое место выходит факт хорошего знакомства с другим человеком (knows well) и симпатия (likes). В русском языке концепт «дружба» раскрывается через понятие «духовной близости», «общих интересов», «взаимной привязанности». Особый акцент делается на сопереживании, возможности делиться эмоциями.

Итогом этого этапа эксперимента являются следующие выводы: основная часть испытуемых, воспринимавших исходные тексты и переводные тексты адекватно, вербализовали концепты данных текстов; содержание вербализованных испытуемыми концептов текстов различается в англо-американской и русской культурах.

Цель следующего этапа заключалась в определении особенностей восприятия отдельных концептов, вербализованных в тексте-оригинале и его профессиональном переводе. Реципиентам, владеющим навыками перевода с английского языка, предлагалось выделить и охарактеризовать эмоционально-смысловую доминанту исходного текста. Испытуемым, не владеющим английским языком, было предложено такое же задание, но с использованием перевода текста, выполненного профессиональным переводчиком и эквивалентного английскому. С целью выявления эмоционально-смысловой доминанты использовалась методика выделения в тексте ключевых слов, описанная Л.В. Сахарным. В соответствии с этой методикой перед испытуемыми ставилась задача выделить в текстах слова, обуславливающие его эмоционально-смысловое единство [Сахарный, Л.В. 1989 г. - 303 с.]. Испытуемые фиксировали выявленную ими смысловую структуру текста в

некотором наборе слов, которые, по их мнению, являются ключевыми для понимания смысла целого текста. Количество выделенных разными испытуемыми слов подсчитывало» (для каждого слова отдельно), затем составлялся частотный рейтинг лексем, который, по мнению большинства испытуемых, характеризует общую смысловую структуру текста. На основании полученных данных строилось общее смысловое пространство текста. Делался вывод о смысловой структуре текста, то есть о ее составляющих, представленных в виде вербальных репрезентантов концептуальной структуры. С целью выявления индивидуальных особенностей восприятия концептов, представленных в текстах, мы предложили испытуемым написать ассоциации, возникающие при восприятии выделенных ими ключевых слов. В качестве теоретического конструкта, применявшегося при анализе материала, использовалось понятие семантической изотопии как повторения близких по смыслу или по совместной встречаемости элементов в тексте. Как правило, в тексте актуализируются сразу несколько сем, создающих отдельные изотопии. На основе выделения ключевых слов были выявлены две смысловые изотопии, представленных в отрывках текста «The Old Man and the Sea»: friendship/дружба и man's fate /судьба человека. Примеры вербальных репрезентантов смысловых изотопии текста-оригинала представлены приведенной ниже таблице.

Таблица 1. Вербальные репрезентанты смысловых изотопий.

Friendship	a boy had been with him
	a boy had gone at their orders
	it made the boy sad
	help
	make our plans
	have someone to talk
	to fish together
	miss
Man's fate	deep wrinkies
	benevolent skin cancer
	old as erosions in a fishless desert
	eyes, cheerful and undefeated

	Had gone eighty-four days without taking a fish
	forty days without a fish
	Finally Salao
	Unlucky luck
	skiff empty
	the flag of permanent defeat
	beat
	nonsense
	prove
	wish too many things

Необходимо отметить ряд различий между восприятием исходного и переводного текста. В первом отрывке текста "Старик и море" в обеих группах испытуемых в качестве ключевых слов наиболее часто упоминаются лексемы, принадлежащие к изотопии "человек и судьба", при этом особый акцент делается на такие понятия, как «неудача», «неудачник». Такие вербальные репрезентанты, как *flag of permanent defeat*, *unlucky*, *alone* выбраны 75% реципиентов, воспринимавших исходный текст. Соответственно, в переводном тексте такие репрезентанты, как *не сдается*, *разбитый наголову полк*, *невезучий* выбраны 71% испытуемых. Вербальные репрезентанты концепта "дружба", на наш взгляд достаточно четко представленного в отрывке, достаточно редко выделялись испытуемыми (15%). Во втором отрывке достаточно часто выделялись слова, носящие ярко выраженную мотивирующую окраску и используемые для описания борьбы героя повести и огромной рыбы. Смысл «борьба», находящийся в рамках изотопии «судьба» был четко воспринят как англоговорящими, так и русскоязычными респондентами. При этом в переводном тексте наиболее часто (55%) выделялись репрезентанты, отражающие личность, осуществляющую борьбу, а в англоязычном - непосредственно процесс борьбы (61%). Ассоциативный эксперимент показал различную направленность восприятия ключевых слов.

В переводном тексте 54% ассоциаций ориентированы на сострадание к герою повести и представляют из себя названия эмоций. Например, жалость, несчастье, досада, страх. В исходном тексте испытуемые в 62% случаев выбирали слова, связанные с борьбой с природной стихией. Например, море, стихия, сила, бессилие, надежда, ожидание, борьба, цель, доказать. В третьем отрывке доминирующей оказалась изотопия, раскрывающая концепт «удача». Вербальные репрезентанты данного концепта были выбраны 87% испытуемых. При этом ассоциативный эксперимент показал, что «удача» в семантическом поле переводного текста ассоциируется с враждебной человеку неопределенностью, подавляющей человека: 45% ассоциаций носят негативный оценочный характер, например, страх, испуг, боль, отвращение, ненависть; оценка 30% ассоциаций нейтральна; 25% реакций оценочно позитивны. В семантическом поле исходного текста центральный концепт в 55% случаев ассоциируется со счастливым стечением обстоятельств, 17% ассоциаций оценочно нейтральны, 28% оценочно негативны. Примеры ассоциаций: рулетка, успех, счастье, дружба, деньги, воля, мечта. В целом можно отметить, что в центре всех трех отрывков находится концепт «судьба». При этом отличие между двумя группами реципиентов заключалось в восприятии отношения главного героя и судьбы, что проявилось как в выборе вербальных репрезентантов концепта, так и в ассоциациях. Для реципиентов, читавших текст перевод, герой повести - личность, являющаяся жертвой обстоятельств, игрушкой в руках враждебной судьбы. Соответственно, основная часть ассоциативных реакций объединена общей темой «жалость, сострадание». Реципиенты, читавшие текст-оригинал сделали акцент на противостояние героя и неблагоприятных событий, для них он «агенса», человек хоть и неудачливый, но в то же время борющийся и непобежденный. Данная группа при выборе вербальных репрезентантов концептов текстов делала акцент на ключевые слова, выражающие действие, борьбу.

Тематика отношений человека и судьбы может быть отнесена к числу важнейших для понимания той или иной культуры.

М. Хайдеггер считает основой Западной культуры активное отношение к миру, стремление подчинить его человеческой воле, и соответственно, представляет человека как творца своей судьбы. В то же время, по мнению А. Вежбицкой, неагенсивность, способность быть захваченным теми или иными событиями, является характерной чертой русского национального характера, и наоборот, восприятие человека как агенса, отличающегося активностью, стремящегося контролировать события, характерная черта англо-американского восприятия мира. Анализ восприятия концепта «судьба» показал, что его понимание реципиентами, воспринимавшими исходный текст на английском языке, ближе к характерному для англо-американской картины мира, а реципиентами, воспринимавшими переводной текст на русском языке, характерно для «русского» мировосприятия [Хайдеггер, М. 1993. - С. 259-272.].

Наконец, в четвертом отрывке доминирующим оказался концепт «дружба», а изотопия, связанная с понятием «судьба», отошла на второй план. Интересно, что в семантическом поле исходного текста «дружба» ассоциируется скорее с поступками, действиями. Наиболее часто (67%) выбираются глаголы: to bring coffee, to fish together, to miss; 24% ассоциаций можно объединить общей темой "дом": кровать, подушка, сон, дом, вид УЗ окна; 32% характерны для темы «отношения»: союз, встреча; вместе, рядом.

В русском же тексте преимущественно выделялись ключевые слова, связанные с субъектами взаимоотношений: старик, мальчик. Ассоциации преимущественно (57%) связаны с эмоциональными переживаниями: счастье, покой, радость, волнение, разочарование, сочувствие; 25% объединены темой «дом»: дом, стены, кровать, уют и т.п.

Испытуемые, владеющие английским языком, при восприятии концепта «дружба» оказались ближе к англоязычной картине мира, где "friendship" подразумевает некие совместные действия двух людей или действия одного человека для другого. Реципиенты, воспринимавшие переводной текст, понимали данный концепт в русле русской картины мира, где «дружба» основана на эмоциональных отношениях, сопереживании. Характерные черты

концептов определялись как на основании словарных статей толковых словарей, так и кросс-культурных исследований [Вежбицкая, А. 1996. - 330 с.]. Таким образом, по итогам этого этапа эксперимента необходимо отметить, что испытуемые, владеющие английским языком, при восприятии исходного текста имеют возможность в некоторой степени «встраиваться» в картину мира, присущую английскому языку, в то время как в результате восприятия переводного варианта текста у испытуемых обозначились концепты, характерные для русской языковой картины мира.

Целью следующего этапа было определение эмоциональных реакций испытуемых при восприятии ключевых слов. Испытуемым предлагалось соотнести выделенные в текстах ключевые слова с концептами базовых эмоций.

Испытуемым был предложен список из 15 базовых эмоций (Перфильева, 2000), включавший в себя: «волнение», «желание», «отвращение», «гнев», «жалость», «радость», «гордость», «любовь», «страх», «горе», «любопытство», «стыд», «зависть», «ненависть», «удивление». Испытуемые должны были указать названия эмоций, с которыми ассоциируется каждое из выделенных слов. Целью данного этапа было охарактеризовать эмоционально-смысловое пространство текста с точки зрения репрезентированных в нем эмоций. Наиболее часто и в первой, и во второй группе были выбраны эмоции «волнение», «страх», «жалость» и «гордость». Существенное отличие заключается в том, что доминирующими в группе испытуемых, владеющих английским языком и воспринимавших исходный текст, являются эмоции «волнение», «страх», «любовь». В группе испытуемых, не владеющих английским языком и воспринимавших переводной текст, доминирующей является эмоция «жалость». Данный факт говорит о различии эмоционального восприятия текста двумя группами испытуемых. На наш взгляд, то, что у испытуемых, не владеющих английским языком, «жалость» оказалась более выраженной чем «любовь» и заняла центральную позицию, достаточно закономерно: в русском языковом

сознании слова жалеть, жаловать и любить семантически близки (В. Даль, 1956). С другой стороны, доминирующая в группе испытуемых, воспринимавших исходный текст, эмоция страха в сочетании с волнением, согласно приведенным исследованиям

К. Изард, является эмоцией, характерной для познавательной активности, а также творческой деятельности. Таким образом, при восприятии исходного текста наиболее часто упоминаются эмонамы, характерные для ситуации исследования или творчества, действия в ситуации неопределенности или опасности, а в переводном тексте - эмоции, направленные на сопереживание (жалость) [Изард К.Э. 1980. - 214с].

Таким образом, испытуемые, владеющие английским языком, восприняли текстовую эмоцию как соответствующую ситуации действий, активности, а воспринимавшие переводной текст - как активизирующую реакцию сопереживания. Понимание текстовой эмоции двумя группами испытуемых соответствует их восприятию отношения главного героя к судьбе: для группы, воспринимавшей текст-оригинал, это агентивная позиция, реакция на действия героя - интерес и волнение; для реципиентов, не владеющих английским языком и воспринимавших переводной текст, это пациентивная позиция, реакция на действия героя - жалость. Рейтинг выбираемых обеими группами реципиентов эмонамов представлен в таблице 2.

Таблица 2. Рейтинг эмонамов, характеризующих концептуальное пространство текстов

Испытуемые, воспринимавшие исходный текст на языке оригинала	Испытуемые, воспринимавшие переводной текст на русском языке
волнение	жалость
страх	гордость
жалость, гордость	волнение
любовь	горе
любопытство	гнев
гнев	страх
зависть	любопытство, любовь
отвращение	ненависть
горе	отвращение

На следующем этапе определялась интенсивность эмоциональных реакций испытуемых при восприятии ключевых слов. Ключевые слова исследовались с помощью методики семантического дифференциала, с помощью которой измерялся фактор «силы», представленный такими полярными понятиями, как «сильный - слабый», «значительный - ничтожный», «большой - маленький»

Параметр силы ключевых слов, измерявшийся по методике семантического дифференциала, не коррелирует с частотой их упоминания. Ключевые слова, выбираемые с наибольшей частотой, не обладают наиболее высоким показателем «силы». И напротив, слова, составляющие преимущественно метафорические конструкции и выбираемые реципиентами в качестве ключевых с меньшей частотой, наоборот, могут выделяться по данному показателю: В 65% случаев параметр «силы» восприятия метафор выше среднего у испытуемых, воспринимавших текст-оригинал и в 58% у испытуемых, воспринимавших переводной текст. Отсутствие соответствия силы эмоциональных реакций на ключевые слова частоте выборов этих слов объясняется тем, что в то время как восприятие эмотивной лексики конвенционально и определяется концептуальной системой человека и особенностями контекста, интенсивность же переживания эмоций, порождаемых в процессе восприятия текста, индивидуальна и зависит от личного опыта испытуемых.

Метафоры, встречающиеся в обоих текстах, были исследованы отдельно, с помощью ассоциативного эксперимента. Цель заключалась в исследовании особенностей ассоциативных реакций при восприятии метафор. Испытуемым было предложено написать ассоциации, возникающие при прочтении выделенных в тексте метафор. Возникшие ассоциации можно разделить на 3 категории: тематико-ситуативные, семантические и оценочно-прагматические. Преимущественно оказались представлены семантические и

тематико-ситуативные реакции. Тематико-ситуативные реакции в нашем эксперименте были представлены лексикой, выражающей мыслительные образы, возникающие при восприятии метафор. Например, «вид из окна», «пустынный берег», «дом». Характерно, что, несмотря на то, что данные мыслительные образы соответствуют логике раскрытия семантического пространства текста, они достаточно индивидуальны (выявлено совпадение только 2% ассоциаций). Мы объясняем индивидуальность ассоциативных реакций тем, что метафоры благодаря континуальности порождаемых ими смыслов становятся проекциями личностного смысла реципиента в пространство текста. Личностный смысл основан на индивидуальном опыте и связан с мотивационной сферой человека [Леонтьев А.Н. 1977. - 703с.]. Способность метафоры активизировать личностную систему смыслов объясняет повышенную интенсивность эмоциональных реакций при восприятии метафор и обеспечивает индивидуальность эмоционального восприятия текста.

2.2. Выводы по экспериментальному исследованию

Предварительные выводы исследования:

- результат восприятия эмоциональной доминанты иноязычного текста в контексте межкультурного общения определяется культурно-обусловленной концептуальной системой реципиента;
- изучение иностранного языка изменяет состояние концептуальной системы индивида, расширяет его индивидуальное когнитивное пространство и способствует восприятию концепций разнокультурного текста на языке оригинала в соответствии с авторскими смыслами;
- интенсивность эмоциональных реакций в восприятии концептуальной системы текста определяется индивидуальными характеристиками личности;

– образные средства, присутствующие в тексте, например, метафоры, характеризующие непрерывностью интерпретаций, способны активировать личные значения получателей, обеспечивая при этом индивидуальность восприятия текста;

– эмоциональные доминанты исходного и переведенных текстов могут не совпадать в результате индивидуальных психологических различий между личностями автора и получателя;

– в основе искажения эмоционально-смысловой доминанты текста в ситуации межъязыкового общения лежат различия в некоторых аспектах «картинок мира» автора текста и реципиентов.

Текстовая межъязыковая коммуникация выступает в качестве одной из наиболее распространенных форм межкультурной коммуникации. Текст, созданный в другой культуре, выражает отношение, эмоции, мысли автора о своем времени и обществе, к которому он принадлежит. Различия в эмоциональных представлениях в разных культурах вызывают эмоциональную лакунность, которая является одним из определяющих факторов восприятия текста. Эмоциональной доминантой текста является система эмоциональных стандартов автора, которая является основой генерации текста. Восприятие эмоциональной доминанты мультикультурного текста представляет собой сложный процесс, определяемый как личностными характеристиками, так и национальной картиной мира, к которому он принадлежит. При восприятии мультикультурного текста на языке оригинала у получателей могут быть как культурные, так и лакунные пробелы, которые могут быть вызваны недостатком знания иностранного языка и незнанием реалий этого слова. Для получателя, который не говорит на иностранном языке и воспринимает переведенный текст, основными пробелами являются культурные и исторические, что связано с недостаточным знанием языковой картины мира другой культуры [Пригожин П., Стенгерс И. 1986. -431 с].

Изучение иностранного языка корректирует состояние индивидуальной концептуальной системы реципиента, изменяет его когнитивное пространство

и расширяет возможности восприятия эмоционально-семантической доминанты иностранного культурного текста на языке оригинала в соответствии с авторской концепцией. Интенсивность эмоциональных реакций в восприятии элементов концептуальной сферы текста определяется индивидуальными характеристиками личности.

В контексте межкультурного (межъязыкового) общения процесс/результат восприятия эмоциональной доминанты текста на иностранном языке определяется культурно-обусловленной концептуальной системой реципиента, метафорами, как образными средствами, присутствующими в тексте, характеризующимися Преемственность интерпретаций, выступающих в качестве дополнительного средства активизации личных значений получателей, обеспечения индивидуального характера восприятия текста, уникальности текстовой проекции [Илюхина Е.И. 1978. С.19-25.].

В целом эксперимент показал, что эмоциональные доминанты исходного и переведенного текстов могут не совпадать, что связано с индивидуальными психологическими различиями между личностями автора и реципиента и искажением эмоционально-семантической доминанты. Культурный текст в межъязыковой ситуации общения заключается в различии некоторых аспектов «картинок мира» автора текста и реципиентов.

Таким образом, эмоциональная доминанта рассматривается как наиболее нестабильный компонент авторского значения - параметр порядка, который подчиняет функционирование оставшихся элементов и всей системы становления значения. Эмоциональная доминанта направляет развитие смысла. Регулируя процессы формирования смысла, эмоциональная доминанта предопределяет открытый диалог, активный поиск способа генерирования ценности способом, адекватным оригиналу.

Заключение

Эмоциональная доминанта, представленная в тексте как составляющая доминирующего личностного значения, является семантической универсалией определенной концептуальной системы. Непрерывное пространство значений определенной концептуальной системы становится доступным для восприятия и понимания других людей благодаря их представлению в языковых структурах. Поскольку изучение процесса мышления представляется возможным главным образом через его словесных представителей, детальное изучение эмоциональной доминанты художественного текста в когнитивной перспективе может приблизить его к пониманию мыслительных процессов. Кроме того, обретается возможность стать ближе к созданию универсального образа мира с помощью эмоциональной доминанты как универсальной концептуальной структуры. Именно поэтому представляется перспективным дальнейшее изучение концептуальной системы реципиента, представленной в тексте определенного эмоционального и смыслового содержания посредством переводческой деятельности. Именно в переводе семантическая эквивалентность достигается благодаря сохранению семантической изменчивости, сохранению личного смысла автора, а в процессе переводческой деятельности генерируется функциональная система смысла.

Адекватность встречно-сгенерированного высказывания (перевода) достигается за счет динамического взаимодействия всех компонентов текста, осмысливаемого действием регуляторной функции эмоциональной доминанты в процессе восприятия и осмысления смысла речи.

Таким образом, эмоциональная доминанта рассматривается как наиболее нестабильный компонент авторского значения - параметр порядка, который подчиняет функционирование оставшихся элементов и всей системы становления значения. Эмоциональная доминанта направляет развитие

смысла, регулируя процессы формирования смысла. Эмоциональная доминанта предопределяет открытый диалог, активный поиск способа генерирования смысла, адекватного оригиналу.

Список источников и литературы

1. Актуальные проблемы российского языкознания: 1992-1996гг. К ХУІ международному конгрессу лингвистов. Париж, июль 20-25 1997 г. - М., 1997. -204 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
4. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
5. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М., 2000.
6. Богословский В.В., Ковалев А.Г., Степанов А.А. (Ред.). Общая психология. М., 1981.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. - 411 с.
8. Вежбицкая, А Язык. Культура. Познание; Русские словари - М., 1996. - 330 с.
9. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психолингвистического развития ребенка. М., 1956.519 с.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996. - 415 с.
11. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997. - 221 с.
12. Гридин В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. -С. 113-119.
13. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. М., 1984. - 397 с.

14. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. М., 1985. -451 с.
15. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. М., 1985. -455 с.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 2 – М.: Русский язык, 2000. – 779 с.
17. Дридзе Т.М. Перевод как текстовая деятельность: основание и предметная область семисоциопсихологической теории коммуникации // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. Вып. 426. 1983. - С. 51-52.
18. Дридзе Т.М. Перевод как текстовая деятельность: основание и предметная область семисоциопсихологической теории коммуникации // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. Вып. 426. 1983. - С. 54-66.
19. Залевская А.А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: Сб. ст. / Под общ. ред. Л.М. Босовой. Барнаул, 2000. - С. 74-81.
20. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999а. - 382 с.
21. Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева.-М., 1998.-С. 35-54.
22. Изард К.Э. Эмоции человека К.Э. Изард. - М., 1980. - 214с.
23. Илюхина Е.И. Эмоциональная организация речевого воздействия // "Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: педагогические проблемы. МЛ, 1978. С.19-25.
24. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь, 1998. - 99 с.
25. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. Системно-семиотическое исследование. Тверь, 1998. - 101 с.
26. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата. Автореф. дис. . д-ра фшюл. наук. Саратов, 1999. -42 с.

27. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата. Автореф. дис. . д-ра фшюл. наук. Саратов, 1999. -44 с.
28. Колесникова В.С. К проблеме художественного перевода как речемыслительной деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникация. Материалы междунар. научно-практич. конф. 4.1. Барнаул, 2001. - С. 147-153.
29. Красильникова В.Г. Психолингвистический анализ семантических трансформаций при переводе и литературном пересказе художественного текста: Ав-тореф. дис. . д-ра филол. наук. -М., 1998. 24 с.
30. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность А.Н. Леонтьев. - М.: Политиздат, 1977. - 703с.
31. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990. - 106 с.
32. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990. - 78 с.
33. Пищальникова В.А. Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод. М., 2002. - С. 145-152.
34. Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста: Учеб. пособие. Барнаул, 1991. - 87 с.
35. Плохов А.А. Понятие эмоционально-смысловой доминанты// Объединенный научный журнал.-2003.- №23.-С. 48.
36. Пригожин П., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. -М., 1986. -431 с.
37. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций / Л.В. Сахарный. - Л. : Изд-во Ленингр. ун-та., 1989 г. - 303 с.
38. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1951. Т.2; 1957. Т.6; 1963. Т.14.
39. Ухтомский А.А. Доминанта. М.; Л., 1966. - 273 с.

40. Хайдеггер, М. Путь к языку // Время и бытие: статьи и выступления: пер.с нем. - М.: Республика, 1993. - С. 259-272.
41. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1984. - №6. - С. 97-103.
42. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Волгоград, 1987. - 192 с.
43. Шаховский В.И. Эмотивность и лексикография // НДВШ Филологические науки. 1986. - №6. - С. 42-47.
44. Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград, 1998. - 137 с.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ ВКР

Выпускная квалификационная работа выполнена мной совершенно самостоятельно. Все использованные в работе материалы и концепции из опубликованной научной литературы и других источников имеют ссылки на них.

« ___ » _____ г.

(подпись)

(Ф.И.О.)